

ИЗ КАЛМЫЦКОЙ ИСТОРИИ.
Авки-Хан, 1670-1724.

После смерти Калмыцкого Хана Пунцуа в 1670 году, ему наследовал его сын АВКА, самый выдавшийся из калмыцких ханов, правивший народом до глубокой старости (умер 82-х лет). Своим талантом полководца, административными и дипломатическими способностями он снискал себе огромную славу не только среди своего народа, но и далеко за пределами калмыцкой степи.

Хан Авка родился в Зэнгарии в 1642 году, в день калмыцкого праздника „ЦА-ГАН“, от брака Пунцуа с дочерью Зэнгарского Правителя Батур-Хун-Тайджи и до 12 летнего возраста жил и воспитывался у своего деда по матери в далекой Зэнгарии, откуда он был привезен на Волгу в 1654 году.

Здесь он рос, воспитывался и развивался на руках у своего деда, Шунур-Дайчин'а, наблюдал, изучал и достаточно усвоил политический взгляд и дипломатическую тактику своего деда, почему он и был убежденным сторонником единоличной калмыцкой власти. С самого начала его правления Калмыцким народом, успех сопутствовал ему. Гибкими, эластичными действиями, одних лаской, вниманием и поощрением, а других — суровыми, жестокими мерами, он быстро подчиняет себе всех калмыцких нойонов.

Своими решительными мерами, твердость Авка отбивает у отдельных нойонов всякую охоту и стремление к власти. В своей работе, направленной к возвышению и укреплению центральной калмыцкой власти, Авка не брезгает и такими средствами, как натравливание отдельных нойонов друг на друга с тем, чтобы оба во взаимной борьбе обессилев, пришли к нему с почтительной просьбой: рассудить и разрешить их спор и властвовать над ними. Он не останавливается перед принятием самых жестоких мер даже против своих ближайших родственников и сыновей.

Он ревниво оберегал престиж своей ханской власти. За неуважение к своим правам и своему ханскому достоинству он воздавал должное и порок в жестокой, а с современной точки зрения, предосудительной форме. Вот один характерный в этом отношении случай: как то на Авку, кочевавшему вблизи Астрахани, врасплох напал Кубанский Султан Бакта-Гирей, разбил его кочевье, отобрал скот, что было большим позором для Авки, серьезным ущербом для его авторитета. Сам Авка с ханшей Дарма-Вала едва спасся у князя Бековича, находившегося с своим отрядом вблизи. Но, когда Авка попросил у Бековича военной помощи для погони за Бакта-Гиреем, Бекович, имея полную возможность оказать просимой помощи, отказал Авке в ней, говоря, что „без разрешения высшей русской власти вступать в бой с горцами я не имею права“.

Это было не только оскорблением ханского достоинства Авки, которым он, естественно, чрезвычайно дорожил, но и несоблюдением со стороны кн. Бековича договорных с русской властью обязательств, ибо не задолго перед тем у Авки было заключено соглашение с русским правительством, в силу которого все русские военачальники обязаны были оказывать Авке военную помощь, как и он ил, о чем хорошо знал и кн. Бекович.

Авка это запомнил.

После вышеупомянутого случая, Авка помирился с Бакта-Гиреем. Воспользовавшись этим обстоятельством, обезопасив себя со стороны калмыков, тот же самый Бакта Гирей напал на русских. Когда же последние обратились за скорой военной помощью к Авке, то последний ответил словами кн. Бековича: „без разрешения высшей русской власти вступать в бой с горцами я не имею права“.

И калмыцкий историк, написавший на калмыцком языке „Краткую историю калмыцких ханов“, этот поступок Авки характеризует следующими словами: „таким-то образом Хан Авка отомстил за обиду своего ханского достоинства, силой таланта и многообразных способностей им достигнутого“.

Так действуя и работая, Авка сосредоточивает всю полноту власти в своих

руках и крепко держит ее до глубокой своей старости. Абка имел восемь сыновей: Чакдорджаб, Арабтан, Санджиб, Гонджиб, Гунделек, Перен-Дондок, Галдан-Данджин и Баранг. Предполагают, что Абка, под влиянием своих удач, лелеял мечту стать совершенно независимым от России Калмыцким Ханом, тем более, что в это время Россия переживала тяжелые внутренние потрясения, связанные с Разиновским движением.

Именно этим стремлением можно объяснить то обстоятельство, что после того, как Абка получил от Далай-Ламы титул Хана, он „сделался надменнее в обращении и самовластнее в управлении подданными; при Дворе его явились султаны Куванские, Хивинские и Казацки Атаманы; даже Абдул-Хайр, бывший впоследствии ханом в Меньшей Киргизской Орде, в честь себе ставил служить при его Дворе“ (В. Броневский — История Донского Войска).

Отношение Абки к Разиновскому движению проф. Н. Чалымов определяет так: „империалист в душе, Абка не мог разделять идеологии казацкой „голытьбы“ и ей сочувствовать. Для него непонятно было это „крупное обострение хронической народной оппозиции“ против бояр и кулаков, как непонятен был и принцип „полного равенства“, провозглашенный вожаком движения. Он сам хотел быть монархом Ханом, хотел видеть в своей свите подчиненных ему верных бояр — нойонов, тайджей, зайсангов. Он не мог протянуть руку помощи удалому казацкому атаману Степану Тимофеевичу Разину. Но он воздержался и от помощи астраханским воеводам. Только в 1705 г., во время стрелецкого бунта, Абка становится на сторону правительства и его калмыки истребляют на Волге мятежников, намеревавшихся приступить к Царицыну. Но не забудем, что это было спустя 35 лет от начала правления Абки Калмыцким народом, когда Абка уже убедился, что без поддержки русского правительства ему нельзя обойтись, даже нося звание Хана, предоставленное ему Далай-Ламой в 1690 году“.

Абка имел живую непосредственную связь с древней колыбелью калмыков — Зенгарией, вел широкие самостоятельные дипломатические сношения с разными народами, вилучай и Китай. Связь с первой закрепляется еще более заключением родственных уз. Так: Абка выдает свою дочь, по имени Сетер-Джаб, за Цевен-Рабтана, ставшего Правителем Зенгарии после самоубийства Галдана; сам Абка в последний раз женится на зенгарке Дарма-Вале, двоюродной сестре Цевен-Рабтана.

Правда, после этого одно обстоятельство внесло некоторое охлаждение в личное взаимоотношение между Авкой и Цевен-Рабтаном: в 1701 г. третий сын Абки, Санджиб, поссорившись с отцом, укрывался в Зенгарии, взяв с собой 15 тысяч подвластных ему кибиток (семей) и расположился в долине реки Каратал.

Хотя В. Броневский утверждает, что причина ухода Санджиба была иная и пишет: „в 1701 г., по убеждению матери (жены? Ш.Б.) своей Дарма-Валы, родственницы главного хана (Цевен-Рабтана), Абка, собрав от разных уделов 15.000 кибиток, под предводительством сына своего Санджиба, отправил в Чуунгарии. Сие военное вспоможение Главе Союзе (Ойратского), бывшего тогда в войне с Китайской Империей, по прибытии в Или, навсегда там остался,“. (История Донского Войска)

Этим уходом с Волги крупной части калмыков наносился сильный (удар Ашке, как главе калмыцкого народа и, вместе с тем, этим сильно было оскорблено отцовское чувство. Как раз в это время и его старший сын, Чакдорджаб, „был недолен отцом, отчего сильно страдало отцовское чувство.

У откочевавшего в Зенгарию Санджиб'а, естественно, не было никакого желания подчиниться Цевен-Рабтану, но последний сумел отобрать у него его подвластных людей, а самого отправил обратно к отцу на Волгу, где он умер одновременно с своими братьями Гунделек и Рабтан

К этому времени относится и ссора Чакдорджаба с отцом и покушение на его жизнь со стороны его брата Гонджиба, нанесшего ранку подосланного убийцы сильную рану Чакдорджабу ястрелом из ружья, заряженного двумя пулями. 1)

1) Документы калмыцкого архива в г. Астрахани, относящиеся к истории Калмыцкого народа за XVIII ст. („Ойратские известия“ № 3-4).

Суровые меры, предпринимаемые Аькой для водворения порядка и усиления центральной калмыцкой власти, часто служили причиной столкновения Аьки с своими сыновьями и ближайшими родственниками. Своеволие и претензии последних на власть и незаслуженный почет Аька жестоко укрощал, но это не всегда легко ему удавалось: иногда подобные движения недовольства охватывали широкие круги ноёнов-князей и принимали серьезные размеры, что, естественно, оставляло тяжелые последствия в жизни Калмыцкого народа и приносило много горя отцовскому и родственному чувству Аьки.

Время ухода Санджиба в Зэнгарии было временем хронической войны между ордами (Зэнгарией) и манджуро-китайцами. Последние усиленно развивали дипломатическую работу, чтобы склонить Калмыцкого Хана Аьку идти войной против Зэнгарии. Для этого Китайский Богдыхан оказывал всяческое внимание подмам Аьки, щедро осыпал их своими милостями и присылал на Волгу к Аьке своих послов.

В 1699 году для „поздравления“ Богдыхана, Аька отправил в Пекин своего посла Эркэ-гечиля, который благополучно добрался до Пекина, был принят Богдыханом, осыпан его „милостями“. Годом раньше Аька отправляет в Тибет своего племянника, Арабджьра, сына владельца Назар Макутова, с матерью Цаган-Замсов, с сестрой и пятьюстами подвластных ему калмыков „на богомолье“.

После посещения Тибета, Арабджьр „обратно“ поехал через Пекин, где удостоился высокой милости Богдыхана. Но китайские власти его задержали в Пекине по предложению невозможности проехать посольству через владения якобы враждебно к калмыкам настроенного Цевен-Рабтана, а на самом же деле как заложника, правильно рассчитывая, что эта задержка вызовет присылку нового специального посольства от Калмыцкого Хана, что должно было послужить началом установления более тесной связи Китая с интересовавшими его приволжскими калмыками.

Действительно, Аька в 1710 году отправляет в Пекин нового посланца, Самтана с 20-ю товарищами для переговоров о возвращении на Родину Арабджьра.

Еще до приезда в Пекин Самтана, манджуро-китайцы высылают на Волгу к Аьке специального посла, цель которого Аька, в своем письме к Астраханскому губернатору Чирикову (от 12 марта 1713 г.), объясняет так: „Приехал от Китайского от Малумту Хана посол для того, что мне отдать свою дочь за Китайского Хана и чтобы с тем его послом отпустить“. 1)

Когда по делу Арабджьра приехал в Пекин посольство Самтана, то к Калмыцкому Хану Аьке было отправлено новое посольство из шести китайских сановников: Адагая, Тулишена, Наяна, Яшуна и Хабуня, с свитой в 26 человек. В Пекине на это посольство смотрели как на исключительное по своему составу и важности своей цели („от начала света подобной посылки не бывало“). 2).

Посольство это, выехав из Пекина 15 июня 1712 г., попало в кочевья калмыков под Царицыном в июле 1714 года; оно от Сибири до границы калмыцких степей сопровождалось приставленным к нему русским правительством специальным чиновником-переводчиком Бакуниным, который свое назначение видел во всяческом унижении и „изничтожении“ в глазах сопровождаемого им посольства калмыков и их Хана Аьки и на протяжении всего пути плел им всякую небылицу о калмыках. Затем, доведя посольство до границы калмыцких кочевий и, опасаясь за последствия

1) Ввиду отсутствия у старинных калмыцких историков следов о выдаче дочери Хана Аьки за Китайского Богдыхана, проф. Пальмов высказывает предположение, что эта не названная дочь Аьки, рожденная от зэнгарки Дарма-Балы, была выдана за муж за одного из подвластных Китаю Монгольских Ханов, „названного в силу своей подвластности этому государству, Китайским Ханом“.

2) Проф. Н.Н. Пальмов — Эрудит по истории приволжских калмыков.

своей „дипломатической“ работы, Бакунин благоразумно вернулся обратно.

Посольство это имело своей тайной целью – добиться согласия Айки на войну с Зынгарией, а официальным поводом служил задержанный в Пекине Арабджур. Айка попал в трудное положение и ему пришлось напрячь все свои дипломатические способности: прямо отказать всеосильному Богдыхану он не хотел, так как ему не чужда была мысль откочевать в крайнем случае в пределы Китая; с другой стороны, под влиянием своей жены, зынгарики Дарма-Валы, также в силу родственных связей с Зынгарией, Айка не мог решиться на войну с последней. Кроме того, и русское правительство „советовало“ не заводить ссоры с Цевен-Рабтаном,

Поэтому, торжественно приняв посольство и, всыпавши заверив его в своей искренней преданности и глубокой симпатии Богдыхану, Айка отпустил посольство без определенного ответа. х)

В 1721 году в калмыцкие степи прибыл из Тибета Шжкэр-Лама, под влиянием которого усилилось у калмыков естественное тяготение к Зынгарии, столь тогда ненавистной Китаю. Казачий историк Савельев говорит, что и сам Айка Хан лично ездил в Зынгарию. хх)

Тоже самое утверждает и В.Вроневский: „Впоследствии сам Айка ездил в Чжунгария, и привел оттуда на Волгу остатки Торготского поколения“... ххх). Хотя в новейшей истории калмыков о поездке Айки в Зынгарию нигде не говорится.

Охлаждение калмыков к Китаю и усиление их симпатии к Зынгарии русское правительство приняло с удовлетворением, „так как около 1721 года переговоры с Пекином об установлении торговых сношений приняли нежелательный для России оборот и прозвали полным разрывом всяких сношений между обоими государствами. А между тем серьезно стал вопрос разрабатываться план подчинения Зынгарии протекторату России. К Цевен-Рабтану было отправлено особое посольство для переговоров поэтому вопросу, очень обеспокоившее Пекин“. 1).

Нет никакого сомнения, что приволжские калмыки могли бы оказать в этом деле чрезвычайно ценную услугу, если бы руководители русской политики прониклись большим доверием и вниманием к калмыкам и умело использовали бы их. Как раз в это время проектировалась женитьба сына Айки от Дарма-Валы, Цевен-Дондока, на дочери Зынгарского Хун-Тайджи Цевен-Рабтана.

Хотя русское правительство и отнеслось благожелательно к усилению симпатии калмыков к Зынгарии, но это не изменило его старую политику, не прибавило доверия к калмыкам. Оно зорко следило за ними и занималось исключительно тем, что внимательно следило за тем, „чтобы калмыки не откочевали в Джунгария, так как они нужны были в качестве оплота России на восточных границах Астраханской губернии против киргиз-кайсаков и каракалпаков, а на южной границе – против кубанских татар“. 2). А о том, чтобы ослабить, смягчить те причины, которые настраивали калмыков к „откочевке“, конечно, никто не думал.

Тогдашнее русское правительство смотрело на Калмыцкий народ только как на оплот по защите границ государства от возможных нападений других народов, как на серьезную живую военную силу, как на пушечное мясо. Оно видело в калмыках только „коварных азиатов“, которых можно эксплуатировать, обманывать. Тогдашние „делатели“ русской политики на окраинах точно руководствовались

х) Родом приволжский калмык, Шжкэр-Лама, в ранней молодости отправился для изучения буддийских наук в Тибет, где провел более 20-ти лет и достиг положения начальника одного из семи монастырей Далай-Лама. По приглашению Айки он возвратился в степь, чтобы занять место состарившегося Бякничин-Лама. В калмыцкой истории Шжкэр-Лама пришлось играть видную роль до 1735 г. (Проф. Пальмов – Этюд по истории приволжских калмыков).

хх) Военный Энциклопедический Лексикон, изд. Общ. военных лит., ч. У1. СПб. 1842).

ххх) В.Вроневский – история Донского Войска, 1834 г.

1) Проф. Н. Пальмов – Очерк истории Калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России, Астрахань, 1922 г.

2) Там-же.

www.elan-kazak.ru

принципом: „разделяй и властвуй“. Они всячески старались пресечь связь и взаимное сближение калмыков с киргизами, татарами и другими народами, искусственно поддерживая взаимную вражду между этими народами.

Интересно отметить в этом отношении предложение Оренбургского губернатора Неплюева, сделанное им 7 октября 1742 года Астраханскому губернатору Татищеву. Он предлагал „выдавать хотя по поргизу сукна киргизам за каждого калмыка, пойманного на той стороне Яика, и наоборот — калмыкам, если они поймалт в своих улусах киргиза и приведут его к начальству. Чрез это между ими антипатия всердашняя была б. Хотя до явных эсор они народы допущать не надлежит, но не полезно ж и то, чтобы они друг друга любили и чрез то в соединение пришли могли“.

А другой колонизатор, Кириллов, писал: „ежели калмыки какую противность покажут, то можно на них киргизцев обратить, а напротив того, буде киргиз-кайсаки что сделают, то на них калмыков и башкирцев послать и так друг другом смирять и к лучшему послушанию приводить“.

В такой же политике упрекает позже Астраханского губернатора Татищева и Дондок-Дапа в своем письме к нему от 14 мая 1745 года. В этом письме Дондок-Даши, обвиняя Татищева в подкупах, пишет: „когда ее императорское величество, государыня потребует, чтобы было на кого сослаться, (вы), со всех сторон ищите таких людей, который б Калмыцкий народ повредить могли, на что чем деньги тратить, полезнее б нам было обоим жить правдою, без всякого лукавства“.

„Не от хорошей жизни, конечно, ушли в 1771 году из России, оставив свои родные степи, калмыки в количестве 169.000... Не могли ничего, кроме глубокой ненависти, питать все иноводцы к русскому правительству, которое постоянно их обманывало, эксплоатировало и натравливало друг на друга“, — говорит тот же

В такой сложной военно-политической обстановке, тонкой сети дипломатических интриг протекала деятельность Хана Айки и ему поневоле приходилось лавировать, уклоняться от прямого пути, за что его некоторые ученые и историки от го осуждают.

Айка видел неизбежное в будущем подчинение калмыков России; ясно видел и сознавал, что результаты его долгой боевой и политической работы могут пойти не в пользу его родного калмыцкого народа; оттуда из далекого и таинственного Тибета, высший духовный глава Далай-Лама присылал свое „повеление“ об уходе из России к „однозаконному“ Монгольскому Хану; там всеильный Китайский Богдыхан присылал посольство за посольством, мани его к себе, суля калмыкам всяческое благоденствие; естественное родственное чувство тянуло к древней колыбели калмыков — Энггарии, с которой его связывало еще и личное родственные узы, но неизбежное закабаление которой Китаем он также предвидел внутри самого Калмыцкого народа — различные интриги и всяческие домогательства отдельных корыстолюбивых, честолюбивых нойонов; в довершение всего — позорные, незаслуженные, неоправдываемые хотя бы интересом русского дела, обиды морального характера, наносимые ему местными представителями русской власти, и политика поддерживания взаимной „антипатии“ между калмыками и другими народами.

Несмотря на все это, несмотря на постоянные призывы с далекого востока, вопреки постоянному уговариванию своей жены, Дарма-Валы, об уходе к „своим“ восток — Айка Хан остается на Волге и делает русское государственное дело, даже в ущерб национальным интересам своего родного народа.

Такое его поведение проф. Пальмов объясняет так: „дальновидный Хан предусматривал участь порабощения Китаем Энггарии, которой правил Цевен-Рабтан женатый на дочери Айки, и хотя знал, что энггарцы укоряют его „холопством“

х) Проф. Н.Н. Фирсов: Цугавдина. Опыт социолого-психологической характеристики. 1921).

xx) Проф. Н. Пальмов — Этюды по истории приволжских калмыков.

России, но он соображал, что грядущее для зыгарцев „холопство“ от Китая будет тяжелее русского. Он выбирал из двух зол меньшее и рассуждал так, что ему лучше остаться подданным Петра, способного оценить его заслуги, чем идти в Зыгарии“.

И он остался.

Конечно, в его деятельности было много такого, что с русской точки зрения можно осуждать. Но необходимо иметь в виду, что Апка являлся главой сильного, фактически самостоятельного народа. Вполне естественно, что руководящим принципом для Апки были интересы своего народа, защита его национальных интересов, прав. Соответственно своему пониманию прав и интересов своего народа Апка поступал и действовал, что приводило иногда к резкому столкновению с русскими.

Такие действия часто имели место в первое время его правления Калмыцким народом. В это время Апка держит себя даже вызывающе по отношению к русским, России. Дав присягу верности, он неоднократно ее нарушает.

В 1673 г. он дает шерть „ходить войной на недругов великого государя и дурна никакого и задоров не чинить“, а затем распоряжения правительства не выполняет, поступая во всем по своему желанию.

Мало того, в 1675-76 годах калмыки делают частые набеги на русских: грабят, разоряют, берут в плен и т.д. Хотя в том же 1675 г. Восковой Атаман Михайло Самарин „отправил к Перекопу конных своих казаков и татар под начальством выбранного походного атамана Фрола Минаева, где он вместе с к а л м ы к а м и Мазан Батыря... переправившись через гнилое море за Перекоп, у Калужского моста, разбили Крымскую заставу, взяли лагерь с шатрами и бунчуком, пожгли многие села и деревни; а потом выдержав жестокий бой с тремя Крымскими Салтанами, направшими на них с превосходными силами, с богатой добычей и несколькими пленными с малым уроном отступили“... 1)

В 1677 г. Апка с братьями Мончаком и Замсой и Тайджей Солом-Цереном дает новую шерть на верность России, в силу чего в 1678 г. он посылает в подкрепление русскому отряду, действовавшему на Кавказе, трех тысячный калмыцкий отряд, с'игравший там крупную роль.

„В 1679 г. Донским Казакам, Калмыкам и Черкесам поручено было защищать границы по Муравской дороге от нападения Крымских татар“... 2)

Но вскоре Апка и эту свою шерть нарушает: в 1681-83 годах он действует заодно с Башкирцами против России и подвергает разгрому разные русские города и особенно в Казанском и Уфимском уездах на Волге.

Но, одновременно с этим, калмыки „хотя и были раздражаемы постоянными внутренними неурядицами и по старой памяти не могли отделаться от привычки нападать на пограничные русские поселения, но в минуту внешней опасности, когда надвигались из южных и восточных степей неприятельские орды, первые встречали напор врагов, оказывая отчаянное сопротивление нашествия, представляя таким образом надежный оплот для охраны исконного русского населения и русских земель“... 3)

После 1681-83 годов Апка прекращает нападения на русских и оружие свое направляет против мусульманских племен по восточному берегу Каспийского моря покоряет Трухменцев, кочевавших около Мангишлака и налагает на них дань; успешно воюет с Хивинцами и наносит сильное поражение Каракалпакам. В битве с калмыками погибает Каракалпакский Хан Кучук.

В 1686 г. сильный калмыцкий отряд самостоятельно действует на Кубани против горских черкесов, где на подкрепление калмыков был послан отряд русский - „по указу государеву 700 человек донских казаков ходили к калмыцкому Хану

1) ВВ Броневский - История Донского Войска. 1834 г.

2) Там - же.

3) Е. Чонов - Калмыки в русской армии. XV11 и XV111 в.в. и 1812 год. Пятигорск. 1912гг.

Авке на помощь против горских татар, черкесов". 1)

В 1688 г. соединенный отряд казаков и калмыков под начальством атамана Максима Фролова действует на Кубани против горцев.

„Принимали участие калмыки и в известном Азовском походе 1696 г. Тот же Авка, бывший другом и постоянным помощником Петра Великого в его Кавказских походах, посылал в низовой Азовский поход на помощь русским войскам отряд калмыков в три тысячи". 2).

В 1698 г. соединенный казачье-калмыцкий отряд под водительством того же самого атамана Максима Фролова действовал на Кубани.

К этому времени, к началу XVII ст., политические симпатии Авки определены склоняются на русскую сторону. В этом переломе поведения важную роль сыграла личность Петра Великого, его огромное доверие к Авке, выразившееся в поручении ему охраны южных границ государства на время своего отъезда за границу в 1697 году. Такое доверие и громадной ответственности поручение подстлило ему любовь Авки, с'умевшего тогда же понять — с кем имеет он дело в лице Петра Великого.

В 1700 г. соединенный отряд калмыков и казаков под командой атамана Максима Фролова разбивает на голову на р. Соляной сильный отряд кубанских татар. В 1707 г. Авка посылает трех-тысячный отряд калмыков на русско-шведскую войну.

В это время Авка, уже окончательно принявший сторону правительства, принимает участие в подавлении казачьих восстаний в 1708 г.: осажденный казаками Булавина и Некрасова город Саратов спасся от сожжения и разгрома только благодаря сильному калмыцкому отряду.

30 сентября 1708 г. Авка заключает договор на р. Ахтубе с астраханским казанским губернатором, П. М. Апраксиным, коим Авка обязался послать на Терек 5.000 конницы и защищать все низовые города от Астрахани до Казани. 3)

Почти в то же самое время крупный отряд калмыков, под командой сына Авки Чакдорджаба, вместе с отрядом донских казаков, под командой атамана Ивана Буракова, подавляет башкирский бунт (восстание); в 1709 г. Авка усмиряет кубанских горцев — кумыков, отложившихся от России на сторону Турции и возвращая их в подданство России; в этом же году, при кн. Петре Хованском, калмыки принимают участие в окончательном усмирении казаков на Дону; одновременно с этим Авка посылает на помощь Петру Великому в войне со шведами сильный, в несколько тысяч человек, калмыцкий конный отряд под командой Чакдорджаба; в 1711 г. Авка с 20-тысячным конным отрядом побеждает кубанского Джан-Арслан-бека мурзу, который погибает в бою с калмыками; затем Авка, встретив на р. Мангыч горцев, решившихся жестоко отомстить Авке за смерть своего Арслан-бека, дает им генеральное сражение в 35-ти верстах выше устья Каллуса и разбивает их наголову.

Движение этой грозной калмыцкой армии навело на кубанских горцев панику, так как главнокомандующий русской армией граф Апраксин дает калмыцким войскам „волю идти на Кубанцев вперед, которые сколько их на обеих сторонах реки Кубани найти могли всех перерубить, а жен и детей в плен забрать". 4).

О катастрофической губительности для горцев этого набега калмыцкой конницы свидетельствует донесение графа Апраксина: „в бою пало татар 11.460, на Кубани порождено 5.000; в плен взято мужчин 7.000, женщин и детей 21.400; скота: верблюдов 2.000, лошадей 39.200; рогатого скота 190.000 и овец — 227.000". 5).

1) Е. Чоков — Калмыки в русской армии. 1912 г. 2) Там-же.

3) Проф. Н. Шальмов — Очерк истории Калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России.

4) Е. Чоков — Калмыки в русской армии.

5) Там-же.

26 сентября 1723 г. соединенный отряд 1.000 донских казаков и 4.000 калмыков, под водительством Донского Атамана, был послан в Дагестан на жилище Урмия и Отемчанского Султана Махмуда „дабы еще отомстить за их упорство, дать почувствовать тягость российского оружия, нанести страх для уверения всем окружающим народам“. 1)

В 1722 г. в Персидском походе Петра Великого Абка сформировал 7-ми тысячный калмыцкий конный отряд и предоставил его в распоряжение царя.

Когда в июне того же года, перед походом в Персию, Петр Великий посетил Абку в его доме вблизи Астрахани, то Абка, горевший желанием сам лично принять участие в этом походе, с искренним чувством говорил царю, что, если бы не старость его, то он сам пошел бы с ним против персов. Затем, приняв от Петра дар, почетную саблю, усыпанную жемчугом, Абка велел своим калмыкам стать в кружок и пустить в воздух несколько стрел, а потом, подойдя к царю и указывая на саблю и стрел, сказал: „эта сабля и эти стрелы всегда будут готовы на поражение врагов России“. 2)

Старый степной рыцарь, бесстрашный воин думал проявлением такой преданности, оказанием такой услуги России получить счастье и лучшее будущее для своего родного народа. Он не знал иных средств укрепления и обеспечения этого лучшего будущего. Его средством было только оружие, чем с большим успехом пользовались другие, но не сам калмыцкий народ.

Перечисляя все эти военные походы, указывая на „заслуги“ калмыков перед Россией, я далек от мысли самовосхваления, совершенно не собираюсь идеализировать эти моменты военных походов в истории калмыцкого народа и видеть в них наивысшую точку его политического могущества. Эти исторические события, где сталкивались кровь и жизнь отдельные малые народы, являются величайшей трагедией этих народов, печальным недоразумением, своего рода роком истории.

Эти печальные, трагические события (взаимные наладения) определились двумя факторами: искусной работой руководителей русской политики, направленной к разделению, углублению вражды между народами, к взаимонападению, взаимонистреблению малых народов – с одной стороны, а с другой стороны – эти события являлись плодом того периода истории, уровня тогдашнего общественного сознания этих народов, когда эти последние, подчиняясь инстинкту национальной вражды, во взаимных нападениях видели и героизм и хозяйственный смысл.

В настоящее время в объективном изложении исторического прошлого того или иного „неисторического“ народа, входившего в состав Б. Рос. Империи, даже в простом констатировании исторических фактов, очень часто сурового и жестокого, многие склонны усмотреть „евразийство“, „чингисханизм“ и т.д. и всякого честно пытающегося беспристрастно изложить то или иное событие из исторической жизни своего народа, готовы пригвоздить к позорному столбу одним магическим словом „доморощенный историк“.

Тем не менее я счел нужным привести, перечислить эти военные походы калмыков. Из этого видно, каким величайшим злом для малых народов были эти взаимные нападения, взаимные истребления, расчищая путь третьей наступающей силе, облегчая этой третьей силе ее задачу порабощения, подчинения себе всех этих народов. Плодами этих взаимных избиений малых народов с величайшим удовольствием пользовалась русская власть, а ее представители на местах безцеремонно садились на шею этих народов, ктёймя их „азиатскими варварами“.

Некоторые из казаков упрекают нас в том, что мы преувеличиваем значения роли калмыков в истории России. Но такой историк, как В. Броневский полностью подтверждает наше мнение: „Российский двор, приняв в подданство калмыков, имел

1) Е. Чонов – Калмыки в русской армии.

2) Проф. Н. Пальмов – Очерк истории Калмыцкого народа.

в виду найти в них сильную помощь против врагов своих на восточном; и калмыки, как увидим, оправдали сию надежду". И, действительно, русское государство в лице калмыков нашло огромную силу и хорошо ее использовало, а сами калмыки кроме горя и отчаяния, национального унижения ничего не приобрели.

Петр Великий понимал и достойно ценил заслуги Айки и всего калмыцкого народа, но не так относились к Айки и не понимали его (скорее не понимали подлинных интересов русского государства) местные агенты русской власти. Здесь точно оправдывалась поговорка: „до Бога высоко, да царя далеко“. За свои долгие непрерывные боевые работы по защите и укреплению российских государственных границ Айка удостоился такой „лестной“ награды местных представителей русской власти, как характеристика его „лукавым, коварным азиатом, изменником русскому делу“. Великий Калмыцкий Хан, всю силу своего оружия направлявший на пользу этого русского дела! Такое отношение агентов русской власти тем более было обидно для Айки, так как в силу сложившихся исторических обстоятельств он гораздо больше принес пользы именно русскому делу, а не своему родному Калмыцкому народу.

Еще при жизни Айки, в последние годы его правления, наблюдаются некоторые признаки упадка Калмыцкого народа. Это в связи с усилением и централизацией калмыцкой власти в руках Хана; „когда прежняя связь простоловдинов и владельцев, покоившаяся больше на моральных началах, приняла другой оборот, оттенок, когда владельцы стали проявлять власть над подчиненными, стали распоряжаться ими, как рабами, когда момент насилия начинает привходить в прежние патриархальные отношения...“

„Появилось местничество, а с ними интриги, ссоры и раздоры между владельцами. Это содействовало укреплению положения Хана, как царя, но печально отразилось на отношениях владельцев к простоловдинам, ибо за возвышением в придворном ранге того или другого владельца неминуемо следовало увеличение гнета владельца по отношению к его подчиненным...“

„Новые порядки приходились не по натуре свободолюбивым калмыкам и с начала XVII века ясно заявляют о себе попытки калмыков освободиться от нарастающей у них помещичьей власти. Калмыки начинают уходить от владельцев и делают это даже на легальном основании. Они пользуются правом ухода в Россию, преимущественно на Дон“... 1)

Так появляются на Донских степях первые предки современных донских калмыков, гораздо позже правительственным указом причисленные к составу Донского Казачества. Социально-политические мотивы, ясно выраженная воля не подчиняться нарождающейся калмыцкой помещичьей власти, избежать положения рабов и стремление к свободной жизни, независимому существованию — вот основной мотив ухода калмыков от своих на Дон, где жили вольной жизнью близкие им по духу, психологии и быту донские казаки — их достойные боевые соратники, сподвижники, а „донские казаки, полюбив соседней за удальство, охотно принимали к себе их (калмыков) беглых, которые прельщались вольной казачьей жизнью, изобилием и привольными лугами“... 2)

В конце XVII века число таких выходцев-калмыков на Дону было сравнительно мало, но с начала XVIII века это число настолько увеличилось и приняло характер почти настоящего бегства, что Айка вынужден был принимать суровые, жесткие меры по отношению беглецов. Тем не менее такой переход не прекращался, а наоборот, после смерти Айки, в связи с возникшей в Калмыцком народе междоубицей, усилился. Впоследствии из за этих переселенцев на Дон калмыков не раз происходили столкновения между Донским Войском и Калмыцким народом. „Огорченные Тайши без спора и драки не хотели уступить своей собственности (?); казаки почитали долгом защищать пришедших к ним для вольной жизни и совместной службы“... 3)

Предками современных донских калмыков являлись, вероятно, не только эти переселенцы на Дон („протестанты“). Донской историк Савельев утверждает, что

1) Проф. Пальмов: Очерк истории; 2) В. Броневский: История Донского Войска.

3) Там-же.

предками донских калмыков является тот 10-ти тысячный калмыцкий отряд, который был выставлен Азкой на Дон против турок на помощь русскому войску: „ в 1710 году, когда предстояла война с Турцией, Азка обязался, кроме 5.000 войска, уже отправленного им против Башкирцев, выставить еще 10.000 на Дон. Эти десять тысяч Донских калмыков, в 1729 году, отделены были от общего состава Калмыцкого народа и причислены к ведомству Войска Донского, при котором состоят и доселе“... 1)

С этим согласуется и утверждение В.Броневского. В 1710 г. 5 сентября Хан Азка заключил договор с Казанским и Астраханским губернатором боярином П.М. Апраксиным, коим Азка обязался: „кроме 5.000 конницы, за три недели пред сим отправленной против Башкирцев, отпустить на Дон на вечное жительство Менке-Темер-Тайшина со всем его улусом. Сим 10.000 калмыкам, принадлежавшим к дурбетскому поколению (по русскому произношению Дербетовой Орды) отведены кочевья по реке Мангычу“... 2)

По утверждении Броневского, Менке-Темер-Тайши – сын Солок-Церен Тайши, незадолго перед тем прибывшего с своим улусом на Волгу из Энгариин.

Весьма вероятно, что часть этих десяти тысяч калмыков вернулась обратно на Волгу, а часть, оставшаяся на Дону, вместе с переселенцами – „протестантами“ и явилась главным основным ядром донских калмыков. Вероятно, именно это ядро Петром Великим и было причислено к Донскому Войску: „В сем же 1723 г., государь император Петр Великий повелел всех кочующих на Дону калмыков оставить в казачьем звании, а впредь никого уже не принимать.“... 3)

Этим причисленным к Донскому Казачеству калмыкам для кочевья были отведены места: „ по рекам Салу, Куберле, Гасицнам (Гашун? Н.В.), Мангычу до устья большого Егорлыка, по Магальнику, Ельбузе и речке Эй“... 4)

Затем, гораздо позже, через полстолетия, в 1788 году, в виду возможной перспективы попасть в казенное ведомство, часть дербетов поднялась с своих кочевий на Волге и отошла на Дон, где они избрали своей главой Екрема Халчукова. Это было разделением дербетов на Больших и Малых. Откочевавшие на Дон дерветы получили название Больших, а оставшиеся на Волге – Малых.

В 1798 г. Большие дерветы были прикреплены к Задонским степям и причислены к Донскому Казачеству. В следующем году их предводитель, Екрем Халчуков, умер. После него Большие Дерветы стали испытывать со стороны Донского начальства некоторые притеснения, а потому они в 1800 г. вернулись к прежним своим кочевьям, в пределы Астраханской губернии. Вполне возможно, что часть Большедербетского улуса осталась на Дону и присоединилась к прежде на Дону жившим калмыкам.

Так было начато совместное сожительство калмыков с донскими казаками. Но их тесное боевое сотрудничество началось очень давно, почти с самого момента прихода калмыков на Волгу. Еще Хо-Орлек в 1644 г., по просьбе донских казаков, „возмущенных решением московского правительства относительно Азова и вымещавших свою досаду нападениями на приволжские города“, оказывая им „помощь в расправе с воеводами“, капал на Астрахань и там был убит.

С этого времени жизнь калмыков и донских казаков самым тесным образом переплетается, особенно в области военных походов, набегов и т.д.

Проф. С.Г. Сватиков в своем капитальном труде „Россия и Дон“ пишет, что „калмыки вошли в сношение с Донским Войском в 1642 году, а в 1648 году заключили с ним оборонительный и наступательный союз против Крыма“. 5)

1) Всенный Энциклопедический Лексикон, ч.У1. СПб.1842.

2) В.Броневский – История Донского Войска.1834.

3) Там-же.

4) Там-же.

5) Проф. С.Г.Сватиков – Россия и Дон.

В 1661 г. Калмыцкий Хан Шунур-Дайчин под текстом договора, заключенного им с дьяконом Ив. Гороховым об отправке калмыцкое войско против крымских татар, собственно, калмыцким письмом, написал: „а с Донскими Казаки Федором Бударом по нашему Дайчинову и Пунчукову веленья верился родственник наш человек Данзан-Напка, что промышлять над крымскими людьми и над их улусы ратныи калым Калмыкам с Донскими Казаки за одно, и хитрости меж себя никакие не чинить“ 1)

В течение XVII и XVIII в.в. почти не было ни одного более или менее крупного похода Донских казаков, где не принимали бы активного участия калмыки.

Значения участия калмыков в военных походах казаков и их боевое качество так характеризует атаман Фрол Минаев: „куда же мы вместе с ними (калмыками) пойдем, они будут наши крылья и бодрость, а неприятелям страх и досада“ 2)

Конечно, это сотрудничество не всегда проходило гладко, часто переходило во взаимное нападение, что В. Броневский характеризует следующими, не совсем лестными, словами: „от сего времени (1655 года. Ш.В.) начинается совместное служение, взаимные грабежи, ссоры и союзы Калмыков с Донскими Казаками“ 3).

За период правления Хана Апки ясно определилось и отношение русской власти к калмыкам и оно было далеко неутешительно для последних: „можно было уже видеть, что политика русского правительства в дальнейшем примет определенный курс стремления всецело подчинить себе вольный народ, и что все сводится лишь к вопросу, когда это случится. Пока жив был Апка, нельзя было действовать решительно, слишком высок был авторитет старого калмыцкого предводителя и поступить с ним, как с заурядным правителем было бы неосторожностью со стороны русской власти. Старый Апка был в состоянии наделать много хлопот и причинить много неприятностей России, если бы правительство сразу решило бы ограничить его права и отнять у него власть. Надо было действовать постепенно, возлагая надежду на время и учитывая то, что в Калмыцком народе все держится Апков. Слава Апки была славой Калмыцкого народа. Умер Апка, умерла с ним его слава — померкла с ней и слава Калмыцкого народа, никогда уже больше и нему не возвращавшаяся“... 4).

Эта общая тенденция русской власти, дипломатически прикрываемая на верхках резко и грубо выявлялась в жизни местными представителями русской власти, „блвстителами“ государственных интересов, престижа России, людьми, борющимися за форму в ущерб существу самого дела, чванливыми чиновниками, которые часто стояли очень невысоко в моральном отношении, руководствовались не государственными, а личными интересами.

Одного из этих „блвстителей престижа“ России — М.И. Чирикова, правившего Астраханским Краем с 1710 по 1719 г. в звании обер-коменданта — проф. Д.А. Норсаков характеризует так: „это был старый служака, типичный представитель низовых воевод того времени. Низкопоклонный и богомольный, он нарушал весьма усердно воеводский наказ: торговал лично от своего имени и чрез подставных лиц, пересылал в Персию свинец, соколов, кречетов, — что было запрещено; брал посулы от откупов и от прочих дел, вкал в карман податные деньги, выменивал на русских людей лошадей из-за Кубани“... 5)

Из этой характеристики легко себе можно представить, как эти „блвстители“ дело делали. Если уж „выменивали“ на русских людей лошадей, то очень легко можно представить — как он обращался с „поганными калмыками“.

Другой „блвститель“, А.П. Волынский, правивший Краем в качестве Астраханского губернатора, тоже не отличался высокими нравственными качествами.

1) В. Броневский — История Донского Войска. 1834.

2) Там-же.

3) Там-же.

4) Проф. Е. Пальков — Очерк истории Калмыцкого народа.

5) „Стратегические Известия“, № 3-4.

„О невысоких моральных принципах А.П.Волынского свидетельствуют факты, приводимые проф. Д.А.Курсаковым“ 1)

„Следя же можно присоединить циркулировавший в Астрахани слухи о похищении Волынским из Астраханского Троицкого монастыря дорогой ризы, о чем сообщает „Краткая История Астраханской Епархии“ (Астрахань.1886.). Поговаривали, что он, т.е. А.П.Волынский взял из Троицкого монастыря ризу, стоящую сто тысяч рублей. Репутация губернатора Волынского, очевидно, была настолько невысока, что народная молва не постеснялась усвоить ему и это некрасивое деяние“ 2)

Такие то люди десятилетиями стояли во главе дела русско-калмыцкого взаимоотношения и с такими то людьми связывалось представление о русской власти вообще в сознании калмыцкой народной массы.

И неудивительно, что мысль об уходе из России к „однозаконному“ Монгольскому Хану, в Энгарию была так популярна среди Калмыцкого народа, постоянно находя все больше и больше сторонников, последователей.

Вот почему всякое „повеление“ об уходе находило прекрасную почву среди народной массы и, в конце концов, так трагически для всего калмыцкого народа была осуществлена в 1771 году.

И это представление калмыцкой массы о русских ярко и грубо выражено в словах калмыка Гельдея, который 15 июня 1747 года, увидя русского переводчика Везелева и указывая на него, сказал: „мы де от этих собак пропадем, и нам де, сколько у Россиян в подданстве не быть, добра не видать“... 3)

Конечно, слова эти не относились к русскому народу, к тому забитому, серому, порабощенному русскому крестьянину, за которого не раз поднималось на грозную борьбу с русской властью Казачество.

С тем несчастным русским крестьянином, жизнь которого выражена в классической рифме Некрасова:

Голодно, странничек, голодно,
Холодно, родименький, холодно!

и с теми простыми русскими людьми, которые еще не „осознали“ свою „мессианскую“ роль, свою „великодержавность“ и не пришли еще к непреклонному убеждению, что их священное право — властвовать над всеми другими народами, — с этими людьми калмыки прекрасно ладили и жили дружно, деля с ними последними своими достоинствами.

Калмыки по своему характеру и в силу своей буддийской религии, проникнутой — той безконечным милосердием, являются по существу очень мирными людьми. Чем дальше, тем больше это качество в них преобладало. Они терпеливы, услужливы и безконечно благодарны за всякое внимательное к ним отношение. Чтобы такой мирный и признательный народ так озлобился — нужна была действительно, русская „политика“, направленная на поддержание „престижа“ России.

Это качество калмыков отмечают и объективные историки. Вот некоторые выдержки: калмыки „добрые конники, храбрость отличные, к службе всегда готовые и ревностные, и как необходимые для хозяев скотоводов и коновалов войска весьма полезны... от природы умом не обижены, в делах сметливы и предприимчивы, и в просмотре за скотом так искусны, что все донские заводчики без калмыцких табунщиков обойтись не могут; и несмотря на то, что за этих пастухов вносятся в войсковую казну по 140 руб. ежегодно, кроме особенной условленной им платы, они предпочитают всем другим... Полудикий сей народ калмыцкий имеет свои добродетели. Честность и правдолюбие суть те почтенные качества, за которые Казаки их весьма уважают и дорожат их сотовариществом“... 4)

1) Проф. Д.А.Курсаков: Артемий Петрович Волынский (Библиографический очерк) Сборник „Древняя и Новая Россия“, т.1.СПб.1877.

2) Проф.Н.Пальмов:Очерк истории Калмыцкого народа.

3) А.Лебендинский — статья в журнале „Ойратские известия“, №3-4. Астрахань.

4) В.Броневский: История Донского Войска.

„Калмыки выгодно отличаются от других наций (?): хорошей памятью, остроумием, умением красноречиво говорить, усидчивостью в учении, терпением, внимательностью и охотой к нему... К хорошим качествам Калмыцкого народа принадлежит также общительность, услужливость, любознательность и веселость нрава. Калмыки мало склонны ко сну: они позже ложатся и рано встают, любезны в обращении, никогда не унывают, даже и с голодным желудком. Они никогда не нищенствуют, даже находясь в крайней бедности. Отличаются благодарностью за что-либо сделанное им хорошее... Калмыки почитают старость, услуживая и повинуюсь престарелым. Наконец, они очень молчаливы относительно всего, клонящегося к невыгодности их народа, начальствующих и духовенства“... 1)

„... Калмык живет оторванный совершенно от своих сородичей, пожалуй и доволен своей судьбой, по крайней мере никогда на нее не жалуется, честный, выносливый, трудолюбивый, способный, но бедный, неразвитый, косный, грязный и чужацкий. Прогресса (?). Правда, что прогресс этот является перед ним в виде ни к чему не ведущих „приказов“ свыше, но он всегда готов принять тот продукт культуры, который ему не на вред, а на пользу, но в том то беда, что все смотрят на него, как на дикаря, около которого можно и даже должно пожить. Никто не подойдет к нему так, как следует, никто не попытается постепенно перевести его от кочевого быта к оседлому, без слачков, а постепенно улучшая скотоводство и приучая калмыков к делу облесения и обводнения Степи и к заготовке сухого корма на зиму. А если бы в этом направлении стали действовать, то приобрела бы Россия живую народную силу, которая могла бы принести нашей отчизне громадную пользу“.... 2)

К сожалению, до самого последнего времени разные великодержавные „культуртрегеры“ подходили к калмыкам с одной единственной целью: „около которого можно и должно пожить“, а средством осуществления этой единственной цели был „начальственный окрик“, прикрываемый „бережным отношением к престижу России“.

Вот один мелкий, но показательный пример „бережного“ отношения местного чиновника к престижу России. По старой своей традиции Абка Хан свои деловые бумаги именовал указом. Для астраханского губернатора Волынского это показалось умалением престижа России и он в самой грубой форме отказался принять от него деловую бумагу с таким наименованием. Мало того, прислал к Авке специального посла с приказом, чтобы он впредь не смел писать ему такие бумаги.

Конечно, Абка с достоинством для себя ликвидировал этот глупый инцидент, вызванный чрезмерно щепетильным чиновником, нечуждым в другом месте закрывать глаза и на более существенное оскорбление чести России, если от этого зависит кое-то ему лично. Но достойно сожаления, что были историки, выражавшие признательность Волынскому за этот его поступок, за его „достойную“ защиту престижа России.

И это в то время, когда Петр Великий облакал Авку чрезвычайными полномочиями и предоставлял его защите широкие Приволжские и Прикаспийские степи, служившие арену непрерывных боевых столкновений. И это в то время, когда Петр Великий, не обращая внимания на формальный момент, считал Авку не подданным своим, а союзником. Это в то время, когда Абка самостоятельно, независимо ни от кого вел дипломатические переговоры, сношения с Китайским Богдыханом, Персидским Шахом, принимал их послы у себя, посылал к ним своих; вел самостоятельные сношения с Кубанскими и Горскими народами, с которыми заключал мир и начинал войну по собственному усмотрению, не спрашивая разрешения у русских властей. И это в то время, когда от того или иного поведения Абки зависело многое на юге России: благополучие и жизнь тысячи русских людей, в

1) И.И. Попов: Очерк географии В.В.Д. 1918 г. Статья — „Донские калмыки-казаки“.

2) В.К. Корниевский — „Живописная Россия“, т.У11, ч.2.1889 г.

том числе и жизнь самого этого спесивого чиновника.

Такая „защита“ интересов России для облеченного большими полномочиями царя, редко сходявшего с боевого коня, смело смотревшего в глаза смерти Абка была тем более оскорбительная, что она исходила не от высшей власти, а „на сколько низок был моральный уровень астраханских властей Абка отлично знал.“ 1)

Это различие калмыками-нойонами местных агентов от высшей власти выразилось и в словах старшего сына Абки, Чақдорджаба, сказанных им приехавшему к нему по поручению астраханского губернатора Волынского майору Дивициану: „нам с вами пробыть невозможно и мы будем писать об этом царь“... 2)

Целый ряд незаслуженных оскорблений, неоправдываемые интересом даже русского дела, служил серьезным тормазом делу сближения калмыков и русских и, во всяком случае, не являлись необходимыми мерами установления дружественных взаимоотношений.

Множество недопустимо-высокомерных отношений местных представителей русской власти к главе сильного тогда народа, ежедневно допускавшиеся этими агентами несправедливости по отношению рядовых калмыков, постепенно все больше и больше утверждали в сознание калмыцкой народной массы мысль об уходе из России в далекую Эвгарив и, наконец, сделали то печальное для Калмыцкого народа дело, что случилось в 1771 году: почти весь Калмыцкий народ (по утверждению В. Броневского - 70.000 кибиток-семей), во главе с Ханом-Убуши ушел из России в Китай (Эвгарив) и на этом страшном пути, продолжавшемся три-четыре года, погибло 3/4 народа.

Несправедливости русской власти доводило калмыков до того, что они одно время, отказываясь (в виду трудности осуществления) от мысли вернуться в древнюю свою колыбель, Эвгарив, серьезно обсуждали вопрос об уходе на Кубань, лишь бы не быть в России, где люди „не стыдятся, когда говорят ложь“ 3)

Об этом несчастном уходе калмыков в Китай справедливо пишет А. С. Пушкин в своей истории Пугачевского бунта: „калмыки верно служили России, охраняя ее важные границы. Русские пристава, пользуясь их простотой и отдаленностью от средоточия правления, начали их угнетать. Жалобы сего смиренного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения, они решились оставить Россию“... 4)

Во всех военных походах Хана Абки и по управлению народом ближайшим его помощником являлся его старший сын, Чақдорджаб, который своими многочисленными удачными военными походами снискал себе большую славу и которому на старость лет своих Абка передал все военные дела. По праву и по своему удельному весу Чақдорджаб был неоспоримый кандидат на ханский престол, но к несчастью он умер раньше своего отца - 19 февраля 1722 года.

Правда, в последние годы своей жизни Чақдорджаб сильно опустился, пристрастившись к винопитию, от которого не в силах были удержать его ни члены семьи, ни сам Хан Абка. Последний жаловался „что сын мой Чақдорджаб весьма пьянствует, от чего уже им (жене и детям Чақдорджаба) унять невозможно. Если бы он моей воли слушал, то-б он и не пьянствовал, понеже я его всегда от того возбранял... Он пьянством своим себя в огне палит, не внимая того, что он том сгорит“... 5)

Пристрастие к вину вредно отразался на деятельности Чақдорджаба: он охладел к военным делам, стал проявлять неповиновение Хану и губернатору Волынскому, которого ругал без всякого стеснения даже в присутствии русских чиновников.

1) Проф. Н. Пальмов: Очерк истории Калмыцкого народа...

2) Журнал „Ойратские известия“, № 3-4. Астрахань.

3) Проф. А. М. Позднеев: Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего (XIX) столетия. (Журнал Мин. Нар. Просвещ. за 1886 г.).

4) А. С. Пушкин: Полное собрание соч., т. V, изд. „Слово“. 1921.

5) Астраханский калмыцкий архив, дело 1721 г., № 9, связка 1, лист 384 („Ойратские известия“).

Почему Чакдорджаб, сравнительно не старый человек, отличавшийся трезвостью, с сильной волей, характером, вдруг запыл? Сведения о вредном его пристрастии относятся к концу его жизни. Нам представляется, что причины такой перемены в характере этого выдающегося сына Айки Хана и вождя Калмыцкого народа имеют глубокие корни, как во всей сложности политической обстановки того времени, так и в семейной жизни отца Хана и сына. Вероятно, дальнейшие исторические разыскания подтвердят такое наше предположение. Когда человек, наблюдая над жизнью своего народа, своим мысленным взором увидел те надвигающиеся на его народ грозные для его национальной жизни события, которые неизбежно несли печальное будущее для калмыков и, вместе с тем увидел безвыходность положения, то было над чем сильно призадуматься, было от чего прийти в отчаяние. Когда его народ медленно сгорал, теряя одно за другим свои национальные права, сходил со ступеньки на ступеньку, то мог бы ли он бояться „себя огнем спалить... в том сгореть“? Чакдорджаб имел двенадцать сыновей.

Смерть Чакдорджаба послужила началом большой и продолжительной смуты среди Калмыцкого народа, где одной активной стороной выступила Ханша Дарма-Валла, которая очень долго играла впоследствии значительную роль в истории калмыков. Еще при жизни Айки, особенно в последние годы его жизни, она имела большое влияние на политику Хана. Эта выдающаяся женщина, игравшая большую роль в калмыцкой жизни, но об этом удобнее говорить в другой раз.

Позже серьезной, при том жестокой и кровавой, соперницей ей явилась Ханша Джан, кабардинка по рождению, жена Дондок-Омбо.

В самом начале этой загоравшейся смуты, в 1724 году, умер Хан Айка.

И этот несомненно умнейший Калмыцкий Хан, так долго правивший народом, имевший почти неограниченную возможность в деле благоустройства своего народа, почти ничего исторически прочного не сделал для своего народа, для его лучшего будущего: политическое положение Калмыцкого народа осталось таким же неопределенным, каким было до него; в хозяйственно-экономическом отношении он остался таким же кочевым пастушеским народом, каким был и во времена Чингис-Хана; душевный склад калмыка остался таким же суеверным, с психологией от стихийного бедствия, сложных политических, социально-экономических явлений спасаться физическим уходом, бегством.

К созданию, психология калмыков XV-XVI веков не изжиты ими и по сие время. Не могут отделаться от нее и по сей день даже наиболее культурная часть Калмыцкого народа — Донские калмыки, которые первоначально занимая территорию, простиравшуюся до Таганрогского округа, постепенно уходя, „спасаясь“ от засилья „иноверных“ остались только в пределах Сальского округа.

Теперь, после несчастий последнего десятилетия, тоже „спасаясь“ от русских, уходят к „своим“ в Ставропольскую губернию...

Хочется верить, что долгий исторический опыт, неисчислимые бедствия в прошлом от этих „уходов“ (в Тибет, на Волгу, Зингария, Ставропольскую губернию и т. д.) научат Калмыцкий народ, как в Европе, так и в Азии, должным образом бороться за свои справедливые национальные права и интересы.

Хочется верить, что в этой своей справедливой борьбе калмыки твердо станут на путь национального возрождения и воспользуются всеми средствами, вытекающими из современной культуры и прогресса...

Кончая краткие сведения об Аике Хане, мы обязаны сказать, что он является одним из величайших и ярких фигур и вождей Калмыцкого народа в течение его истории. Но и такому выдающемуся человеку, как и другим подобным калмыцким вождям, видимо, оказался не под силу победить роковые стечения обстоятельств того времени в исторической жизни Калмыцкого народа.

Будем верить, что теперь грядущее Калмыцкого народа будет счастливее...